

Татьяна Петренко

Жалость

Татьяна Петренко

Жалость

«Автор»

2026

Петренко Т. Т.

Жалость / Т. Т. Петренко — «Автор», 2026

Не будьте страшными. Не будьте жалкими. Будьте живыми. Жизнь — это не песня о несчастной любви. Жизнь — это марш-бросок. В нём нет места для жалости. Только для движения. Только для выбора.

© Петренко Т. Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Закон.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	6

Татьяна Петренко

Жалость

Закон.

Жалость.

Глава первая. О веществе, разъедающем душу.

Я не люблю это слово. Оно липкое, как паутина в сыром подвале, и пахнет кислым молоком. За тридцать лет работы с текстом я понял одну простую вещь: жалость — это не чувство. Это яд. Самая тонкая и самая страшная форма насилия над человеческой душой.

Мы привыкли путать её с состраданием. Мы ставим их рядом, как будто они сёстры. Но сострадание — это свет. Это умение войти в боль другого человека, не заразившись ею, и помочь нести груз. Сострадание действует. Оно протягивает руку. Жалость же просто смотрит. Она смотрит сверху вниз и гладит по голове, а в это время её пальцы уже сжимаются на горле того, кто ниже.

Я видел это тысячи раз. В своих книгах, в судьбах героев, в глазах людей на улице. Жалость — это признание поражения. Это когда ты говоришь человеку: ты слаб, ты сломлен, и я не верю, что ты сможешь встать. Я просто побуду рядом, пока ты умираешь. И в этом её чудовищная привлекательность. Она позволяет тому, кто жалеет, чувствовать себя праведником. Святым, спустившимся с небес. Но святые не жалеют. Святые действуют. А жалость — удел тех, кто боится испачкать руки.

Я помню один случай. Был конец девяностых, я работал над романом о войне. Встречался с ветеранами, записывал их истории. Один старик, бывший сапёр, рассказывал мне о товарище, которого подорвали на mine. Он нёс его на себе три километра. Товарищ был без ног, он кричал и просил оставить его, потому что понимал: это безнадежно. Но сапёр нёс. Он сказал мне тогда фразу, которую я запомнил на всю жизнь. Он сказал: я нёс его не потому, что мне было его жалко. Жалость — она парализует. Она заставляет тебя сидеть и плакать рядом с ним. Я нёс его, потому что я должен был. Потому что он мой. Потому что это мой долг. И он выжил.

Понимаете разницу? Жалость смотрит на ампутированные ноги и ужасается. Долг смотрит на человека и ищет способ спасти его.

В литературе жалость — это всегда тупик. Писатель, который жалеет своего героя, убивает его. Он лишает его выбора, он делает его марионеткой в театре страданий. Великие книги — они не про жалость. Они про мужество, про гнев, про любовь, про отчаяние, которое переходит в действие. Но никогда — про сладкую, разъедающую жалость.

Возьмём Достоевского. Он не жалеет своих Сонечек и Раскольниковых. Он исследует их, он заставляет их страдать, чтобы они прошли через это. Его сострадание — это хирургический скальпель. А жалость — это грязная тряпка, которой пытаются заткнуть рану.

Я написал эту книгу, чтобы предупредить. Я обращаюсь к тем, кто привык жалеть себя. Это самый опасный вид. Самовлюблённое самокопание. Когда человек говорит: какой я несчастный, как меня никто не понимает. Он запирает себя в клетку из собственных слёз и выбрасывает ключ. Жалость к себе — это инвалидность души, которую человек выбирает добровольно.

Я не буду вас жалеть. Я не стану гладить вас по голове и говорить, что всё будет хорошо. Я скажу вам правду. Жалость — это ложь. Это способ избежать ответственности. Ответственности за свою жизнь, за поступки, за то, что ты не встал и не пошёл, когда было больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.